

Елена ШВАРЦ

ТРОСТЬ
СКОРОПИСЦА

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • MMIV

* * *

Не пойдешь болоту лотки
Ботаник по кругу
И воздух дельный крадь с лагоны
Враг м, друта.

Не пойдешь мн пенел енкадь
В лагоны, а сыплю.

Поу радчо злучил силки
Поу чиро вылюю.

А пойдешь мн, бесприкладков,
Откадь куды.

И приклад с вычки парашюток
Поу парашюток.

2004

Елена Шварц

Елена ШВАРЦ

ТРОСТЬ
СКОРОПИСЦА

книга новых стихотворений

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург ● MMIV

ББК 84. Р7
III 33

Марка издательства работы
Сергея Семенова

I

СОЛНЦЕ СПУСКАЕТСЯ В АД

(Гимны к Адвенту)

Hommage à Hölderlin

1. Бормотанье снега (Вступление)

Под снег, подпрыгивавший вверх,
Попавший в бровь,
Летающий вкось,
Под заметающий мне душу,
О тех уж мысль меня не душит —
Под ним укрывшихся, уснувших
В его пуху,
В его вязанье
И бормотанье
(Как бормотанье мило мне —
Милей всего —
И запинанье).
Не то что шёпоты весны,
Не то что лета торжество,
И осени унылой шелест —
Одна зима под нос бормочет
И счастье долгое пророчит,
Виясь на стеклах, на коре,
О сне под снегом глубочайшим
В своём тепле, в своей норе.

2. Орфей опять спускается в ад

В подземный пожар
(Он неслышно грохочет всегда)
Спускался Орфей
За любовью своей.
Но она
Простой саламандрой —
Прозрачной, пустою летала,
Сквозь пальцы текла...

Отсветы влажные
В её сердцевине мерцали.
Он быстро её проглотил
И хотел унести
На горькую землю назад.
Она же пламенным вихрем
Опять из лба унеслась
И, танцуя, в огне растворилась...

Орфей воротился домой,
Где все элементы
Равны меж собою
И каждый
На других восстаёт,
Но тут же смиряется.
Странный ожог терзал его сердце
С тех пор —
Там
Прозрачною ящеркой
Ты, Эвридика, плясала.

3. К Солнцу — перед Рождеством

От тёмной площади — к другой
Ещё темнее —
Пред Рождеством
Прохожие скользят
И чувствуют,
Что Солнце, зеленея,
Спускается во ад.
О Солнце, погоди!
Мы что-то не успели!
Касаться мёртвых глаз
Успеешь, погоди.
Очнись как прежде в золотой купели,
На розовой груди.
Взлетай, светай —
По скользким вантам
Карабкаясь с трудом,

Ты мёртвым не нужнее,
Чем нам, жующим хлеб
Под мутным льдом.

4. Жажда теней

В безотрадной степи Персефоны
У истоков Коцита
Жертвенной кровью
Поил
Стадо теней Одиссей.
Жаждут они вина нашей крови
С запахом острым, смертным
Утробы.

(Больше нам нечего дать, но и её нам жаль.)

Так и несём как деревце
В тонкой белой теплице —
В замкнутом хрупком сосуде.
Тени вокруг летают —
Ждут, когда разобьётся,
Но в декабре вкушают
Немного падшего солнца.

5. Кольцо Диоскуров

Однажды у дома родного,
На асфальт шершавый,
С пристройки невысокой
Мне прямо под ноги упал венок живой
Из воробьёв тяжёлых, крупных,
Двух слившихся и клювом и хвостами.
У ног прохожих, шин автомобильных
Они, чуть трепыхаясь, изнывали...

В зимнюю ночь,
Когда Солнце кажется безвозвратным,
Когда оно в ад нисходит
И медленно, неостановимо
Вдруг обернётся к нам,
Вспомнила я неожиданно

Птичье кольцо живое,
Вспомнила и двух братьев,
Слившихся воедино — так что не различить.
(Греков детские бредни — их не понять, не забыть.)
Полидевк, Сын Зевса,
Жизнь окончив земную,
Взят был отцом на Олимп
Весёлый.
Кастор, смертного отпрыск,
Тенью печальной томился
В далёкой щели преисподней.
Но Полидевк, тоскуя,
Брата так не оставил.
Сам он в Аид спустился
И полгода там оставался,
Сам уступил ему место
На пиру и чашу забвенья
Бед и страданий земных...
А потом они снова менялись,
Так в колесо превратились —
Вечно в прыжке под землю,
Вечно в прыжке в небеса.
Тени в полях летейских,
Боги на снежных вершинах
Не знали, кто перед ними —
Божественный брат или смертный.
Так над моею душою
Вечно паришь ты, бессмертный,
Лёгкий и лучший двойник,
Полный ко мне состраданья
Долю поделишь мою.
Смертный осколок тёмный
Обняв,
Выведешь из Преисподней
Ты самого себя.
Верю я — мы сольёмся,
Как два воробья на асфальте,
Как Диоскуры в полёте.

Глядя на белый порох,
Засыпавший наши дворы,
Думаю — бедному солнцу
Не вылезть из этой дыры,
(В которую провалилось
И валится каждый год),
Белая морда солнца
В обмороке плывёт,
И щурится — неохота
Ему возвращаться назад.
Оно как ведро световое
Расплескалось, спускаясь в ад.

7. Рождество на чужбине

Глинтвейн не согреет.
Холодны чужие дома.
На базаре рождественском
Ходит, бродит, гуляет
Белая тьма.

Ходят бабы как солдаты —
Толчея такая!
Кто-то крикнул: «Тату, тату,
Я тоби шукаю!»
Чем толпа чужее,
Чем темней её речь,
Её оклики-всклики,
Тем блаженней
Твоё одиночество.
Чужие люди, они как вол,
Осёл и телец в дверях.
Радуйся!
Ты одинок, как Бог.
Не на кресте,
А в яслях.

8. Эпилог

**О тёмной и глупой, бессмертной любви
На русском, на звёздном, на смертном, на кровном
Скажу, и тотчас зазвенят позвонки
Дурацким бубенчиком в муке любовной
К себе и к Другому,
К кому — всё равно —
Томится и зреет, как первое в жизни желанье,
И если взрастить на горчичное только зерно —
Как раненый лев, упадёт пред тобой мирозданье.**

декабрь 2002

||

Когда с наклонной высоты
Скользит мерцающая ночь,
Шепни, ужели видишь ты
Свою смешную дочь?
Она на ветер кинет всё,
Что дарит ей судьба,
И волосы её белы,
Она дика, груба.
Она и нищим подаёт
И нищий ей подаст,
И в небе скошенном и злом
Всё ищет кроткий взгляд.

ЕЩЁ ОДИН СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС

Вызывали царевича Дмитрия,
Так называемого Самозванца.
Спрашивали — чей он сын.
Он ответил — «моё личное дело».
Ему возразили — «нет, не личное, нет!»
Тогда он честно и просто признался:
«Не знаю!
— Я не сын и не сон,
Я — салют в небосклон.
Моим прахом стреляли в закат,
Прямо в низкое красное солнце.
Мелким тёмным снежком,
Детской горсткою конфетти
Я на солнце упал
И кричал — не свети!
Не свети, люди злы!
Но оно, полыхнув,
Озлатило мой ум
(Бестелесный мой ум),
И тогда я простил.
Но не сон и не сын,
А лучом я прошёлся косым
По весёлой Руси
И венец у неё попросил».

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Мук моих зритель,
Ангел-хранитель,
Ты ведь устал.
Сколько смятенья,
Сколько сомненья,
Слёз наводнение —
Ты их считал.

Бедный мой, белый,
Весь как в снегу.
Ты мне поможешь.
Тебе — не смогу.

Скоро расстанемся.
Бедный мой, что ж!
Ты среди смертных
За гробом пойдёшь.

Тебе, Творец, Тебе, Тебе,
Тебе, Земли вдовцу,
Тебе — огню или воде,
Птенцу или Отцу —
С кем говорю я в длинном сне,
Шепчу или кричу:
Не знаю, как другим, а мне —
Сей мир не по плечу.
Тебе, с кем мы всегда вдвоём,
Разбившись и звеня,
Скажу — укрой своим крылом,
Укрой крылом меня.

ЛУНА И ДАОССКИЙ МУДРЕЦ

Во вдохновении пьяном
Танцует в выси Луна.
Пахнет она
Несвежим бельём и тимьяном.
Всё же нежна.

В болотистом мелком пруду
Болеет она чесоткой,
Пахнет китайской водкой,
Мучима будто в аду
Смертью короткой.

Из грязи быстро идёт
И вешается на ветке,
Над пропастью вздёгнутой ветке,
Как покаянья плод.

Пьяный мудрец:

Это была не Луна,
Это был перевод
Луны на грубый наш план,
Из водопада миров
Принёс её ураган.

ДВЕ РЕПЛИКИ В СТОРОНУ СМЕРТИ

1

Умирая, хочется отвернуться,
Не присутствовать. Но неизбежно.
Видишь Земли сырую промежность?
Это Эреб, это выход в безбрежность.
Надо только толкнуться.

Из дупла тебя вверх толкнёт,
Ломаясь грубой корой,
Привычно ветхая Смерть рыгнет,
Плюнет седой дырой.

2

Я, Смерть, в тебя всё быстрее лечу.
Я — камень из пращи,
Всё ближе цель, всё дальше даль,
Я вижу косички твои, прыщи,
Но мне ничего не жаль.

Ты стоишь, как учительница пеня,
С поднятой рукой, но не страшно тленье, —
Ужасна скорость к тебе движенья,
Необоримость твоего притяженья.

Если б могла, в тебя врежаясь,
Тебя, Смерть, убить собой —
Как якобинец, напрасно прицелясь
Отрезанной головой!

ЁЛКА С ИГРУШКОЙ, ИГРУШКА С ЁЛКОЙ

Как ниткой навощённую
Игрушка с ёлкой связана,
Как смочены смолой они,
Как спутаны хвоей —
Так я к тебе прикована,
Приклеена навек.

В глухую ночь последнюю
Тускнеет шарик ёлочный,
Закапанный свечой.
И в эту ночь так жалобно
Звенят игрушки смутные,
Зелёной тьмой окутаны,
А ёлка долу клонится,
И грех их разлучить.
На петельке игрушкиной
Висит обломок хвоистый
Куриной лапой, мёртв.

На год игрушку в гроб кладут,
А ёлку — в серый снег.
Так с сердцем разлучается
И с Богом человек.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Скрипнула дверь, и её качнуло.
Влетела тихая мышь летучая.
Собою в глаза стреляла, уснула
На потолке, липучая.
Повесилась вниз головой,
Свисая картой Таро.
Ничем не поводит, не дрогнет крылом,
Но смотрит спокойно-хитро.
Я думаю — жизнь мне уже не нужна,
Силам нужна она.
И тут же мышь стреляет собой,
Съедает её стена.

ПСИХОГЕОГРАФИЯ

1

и я когда бреду по граду
в нём сею то, что сердцу ближе —
горсть океана, чуть Дуная,
тоску и юность, клоч Парижа

Моя тоска течёт в Фонтанку,
И та становится темней.
Я вытекаю из Невы,
Мою сестру зовут Ижора.

Вот гроб стеклянный на пути —
Туманный, ломкий — в красной маске
Высокомерный в нём студент.
А Солнце в волнах пишет по-арабски.

Гора хрустальная возносится
Над Петроградом, а под ним
Пещеры — Синай отчаянья, Египет —
В них человек неопалим —

В огне ледяном Невы сгорает
В своих страданиях нетленный,
Меняя психогеографию
Ингерманландии, Вселенной.

2

Эй облака, айда, братва,
В Невы пустые рукава
Насыпьте ватными комками,
Рассыпьте пышными грядами,
Как зеркала над островами.
Голландию сюда тащил
Зелёный кот и супостат

За краснокирпичные ляжки,
Да не донёс.
Она распалась по дороге,
Скользнёт едва, лежит у врат.
И Грецию сюда несли...
И всякий, всякий, кто здесь жил,
Пространство изнутри давил,
Растягивал,
И множество как бы матрёшек,
Почти прозрачных,
Град вместил.

3. (ветреный солнечный день на Фонтанке)

Землетрясенье поколений
Мне замечать и видеть лень,
Когда уносит пароходы
В каленье солнечное день.

И Солнце ветром тож уносит,
Но в воду сыплется, звеня.
Сквозь какие века
Опьяняешь меня,
Вся ломаясь, виляя, река.

С мармеладной слоистой густою
Волной
С золотой сединой...
О русалка, аорта, Фонтанка!
Только больше аорта,
Кормящая сердце водой
И скотом своих волн в перебранке.

ТЕЧЕНЬЕ ГОДА

Говорят: «перезимуешь!»
Никогда не говорят
(Как вдруг лето встанет рядом):
«Как бы перелетовать».
Как промаяться бы лето,
Лето лютое избыть,
Жизни скользкими зубами
Нить никак не прокусить.
Пролететь бы через лето,
Лето лютое избыть.

ПОД ТУЧАМИ

День волооких туч,
Набитых синим пухом,
Промчался, будто луч,
Ворча громами глухо.
Стремительные, синие,
К цветам припадая в полях —
Как бархатные акулы
С большими глазами в боках.
Я, глядя в них с травы, была
Жемчужиной, на дне лежащей,
Из-под воздушного стекла
Сияньем жалобно кричащей.

ЧАЙКА — КАЗАЧЬЯ ЛОДКА И ПТИЦА

Александр Мирову

Ходит чайка вверх по горю —
Ветер гонит — не кружа,
И, дошедши до границы,
Замирает — вся дрожа.
Ходит чайка вниз по горю,
До водоворота сердца.
Там и тонет, превращая
Белый парус в белый мак.
Хоть и тонет, но всплывает
И бежит опять к границе,
Чтобы там, кружась и тая,
Взрезать воздух визгом птицы.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ ТРАМВАЯ НА ТРЁХ РЕЛЬСАХ

Эти три стихотворения, хоть и расположены в определённом порядке, — на самом деле параллельны. Они как рельсы трамвая, скользящего в темноте мимо жизни окон.

1

Раскинет карты вечер
Светящиеся — мечет,
Зажгут ли снова лампу,
Под образами ль свечи,
Что пало — чёт иль нечет,
Спасут или залечат?

Что прогудит мне месса
В ночи горящих клавиш?
Перебеганье света
Имеет смысл лишь,

Бег света вдоль по камню,
По нервным проводам,
В окне осанна — хлебу,
Просыпанному нам,
И ave — городам.

2

Там поклонялись сгибу локтя,
Слов потерялось назначение,
И неподвижный взгляд
Стремился куда-то в долгое застенье.
Безногий танец это был —
Театр рук и глаз,

Тарелки блеск за шторой.
О как милы повторы,
Как вытерт штор атлас.

Один тащил, другой отталкивал...
Всё умирало и рождало
(А стрелка на боку лежала
Часов — своё уж отбежала),
И только, влажное снаружи,
Стекло в поту дрожало.

3

Оранжево-красная влага
Плещется в окнах чужих,
В одних висят абажуры —
Жмут свой розовый жмых,

В другом — стеклянная люстра
Бормочет над круглым затылком
Ребенка, что учит урок.
Он дремлет, и книга у ног.

За рыжею занавеской
Ночами не спит швея,
Отложит иглу и смотрит.
И ночь в неё смотрит. Ночь — я.

А за углом — там трое брусковых,
В чугунных чёрных пиджаках,
Собрались для чёрной мессы,
И страшный маг застыл в дверях.

Ночь перебирает чётки окон —
Совсем уж тёмных окон нет.
И только демон и голубка
Пьют чайный свет
С крутых карнизов.

В ШАХТЕ

Весь этот мир — рудник
Для добыванья боли.
Спаситель наш — шахтер,
И все мы — поневоле.
На чёрную работу,
На шёпот бедной твари
Склонился он к забою —
Во лбу горел фонарик.
Он шёл средь блеска, мрака,
Пот с кровью пополам,
Чтоб было больше света
Небесным городам.

И мы, в слезах и муке
Старясь, умирая,
Возлюбленных теряя,
Рудой кровяня руки,
Кромешный уголь добывая,
Для топки погибаем рая.

В ПАРАДНОЙ
(люди семидесятых 19-го века)

Несмачный тихий разговор,
Но приговор как будто в нём.
В подъезде ждут кого-то двое.
Взлёт спички... бледные подглазья...
Шпики ль, убийцы? — скажешь разве.
Что ж — поколенья молотьба, —
У нас у всех дурна судьба.

Тут дворничиха из ворот
Ведро несёт с густым гнильём,
Горят глаза пустым огнём,
Прошла и смыла молодцов,
Подрезала как бы жнивье —
Они под мышкой у неё.
Блаженная постигла участь
В горячей впадине, где, мучась,
Как две пиявки, волоски
Висят навек, от неги корчась.

ОКНА ВО СНЕ

В глубоких облаках — квадратное окно,
Сосновою стружкой пахнет оно,
И что-то в нём трепещет — как в прихожей,
Волнуется — пылинок столб взовьётся
(Бывает так) —
Когда любовь за дверью мнётся
С для подаянья кружкой.
Скорей, скорей
(Как пахнет золотою стружкой)
Подай же ей.

В глубоком облаке овальное окно —
В нём плещется лиловый сумрак —
Как то бывает с зеркалами,
Когда жильца несут
Вперёд ногами.
Я вижу окна в облаках,
О сколько окон — их!
Кровь завела вдруг октоих,
И мозг мой закружился весь —
Как голубиный древний стих —
Как будто бы я здесь.

МЕТАМОРФОЗЫ ОТЧАЯНЬЯ

Три года провалялось лето
В шкафу, в пыли, в чулане где-то,
В пустом комодке.
Ни при какой погоде
(И как бы солнце ни вертелось)
Не пригодилось, не наделось.
Отчаянье так любит превращаться
В совсем другое —
Во что-то мелкое и злое,
Прикидываться,
Наденет вдруг колпак дурацкий,
Затеет разговор кабацкий.
По глупой улыбке,
По капельке слюны
На спекшихся губах
Я узнаю его
В других, в других
Или в себе.

Оно играет на трубе
И строит рожи.
И горек смех, а не рыданья.
И знают срезанные розы,
Что горя злы метаморфозы,
Что кривы зеркала страданья.

Не слышны летние мне грозы.
Я зиму привлеку вязаньем.

ВОСКРЕСЕНИЕ СЛОВ

Я столько тысяч слов тебе сказала,
В тайге с дерев не столько листьев пало —
С тех пор как ты меня услышать не могла.
Я суесловила, лукавила, лгала.
О сколько слов песком ссыпалось в дни:
«Запей, запей, заешь, забудь, усни».
Забылись все слова, упали вглубь рудой.
«Пойдёшь со мной туда?» — Пойду ли я с тобой?
О, тленье слов на улицах, в домах!
Их атомы бегут, травой растут в садах.
Так в крипте римской церкви древней
Пыль шепчется словесная на стенах,
Смешавшись с прахом — соль любви и веры,
Соль чёрная — и воскресения ждёт.
И где-то там в промокших погребках
Тень буквы мечется, стремясь воспрять в словах.

БУКВАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

Ибо я уже становлюсь жертвою,
и время моего отшествия настало.

2-е послание ап. Павла к Тимофею (4.6)

Бурым мечом
Перерубят канат причальный,
Быстро
Мех жертвенный развяжут —
Вино прольётся.
Скоро толкнут ногою
Корабль утлый.
Он поплывет — в стекле моря
Вдруг исчезая.
Три раза голова
Оземь ударит.
Три фонтана забьют там
Вина густого.
Вот опивки моей жизни смутной —
Пей, исцелишься!
Я прольюсь, как вино, Боже!
Закопчённую линзу моря
Пробьёт бушприт.
Скоро
Я увижу жизнь не мечтательно,
Вот уже трещит стекло
То, в которое видим гадательно.
Я пролился как вино, Боже
(Океан ли Ты, я узнаю).
Я как старое вино пролился
В океан, где ни старого, ни нового нету.
Рви скорей канат, корабельщик,
Меч острее точи, солдат римский!
Меч сверкнёт, и в нём я увижу!
Как в стекле, которым дети
Траву поджигают.
Как в увеличительной линзе.
Мех развяжут —
Вино, мертвея,
Льётся пусть, опьяняя воздух.

III. Пять забытых стихотворений

УПРЯМОЕ ДИТЯ
(парафраз «Лесного царя» Гёте)

«Папа, ответь мне: новой весной
Воды потоками хлынут в череп?
Всё это будет с мытым — со мной?
О разуверь, я тебе поверю».

Шепчет отец: «Обними меня,
Все эти страхи только спросонок».
Кто-то подкрался, сдернув с коня,
За ночь пять раз возвращался ребёнок.

Снова он рядом — из темноты
Жмётся всё крепче к отцову плечу:
«Папа, отдайся царю лучше ты,
Я не могу, не могу, не хочу.

Белый царь с длинной рукой,
Не трогай, я закричу!»
Белый царь, наклонясь к нему,
Ласково в ухо вливает настой.
Зачем всё живое жмётся к огню,
К тёплому липнет плечу?

Летит он рядом
И шепчет свистя:
В чёрном зерне,
В стремительном сне
Сладко будет, дитя.

Мрак и холод, не бойся, — тебе по плечу,
Шорох лесных могил.
«Папа, ты сам меня сколотил,
Не отдавай палачу.

Я игрушка не их, а твоя,
Не отдавай меня им

Вот они смотрят из тьмы на меня
Светом своим ледяным.

Длинные когти вонзили в глаза...
Гони, гони же их прочь!►
Упал с коня, забыл отца
И мчится один через ночь.

1994

МОГИЛА ОТЦА
(которого никогда не видела)

Я, как отбившийся волчонок,
Волчонок или медвежонок,
Иду отца по следу — вот
След оборвался... Он ведёт
В глухую глушь. Завален вход.
Не подождав, залез в нору
И лапу, может быть, сосёт...
Ах, трава, сестра-трава,
Из того же ты нутра,
Что и я, сестра-трава.
Жара среди крестов застыла,
И тоже мне, как людям, надобно
Всю выстелить его могилу
Лопухняком, чья кровь из ладана.

1974

Весть от самой далёкой
Души,
Сидящей при твоих первых
Костях,
В пыли мраморной
При зелёно-коричневом гробе.
У тебя был тогда
Квадратный череп,
Глаза на нём были
На каждой грани,
Как на игральных костях.
Одинокий смотрел вверх,
Некоторые из них неподвижно прикованы
К солнцу и звёздам,
А нижний
Смотрит на тебя и сейчас.
Где бы ты...
Как бы далеко...
Ты придёшь,
Прилетишь со свечой,
И все глазницы
Живым запылают огнем.
Но прежде
Прошепчу тебе имя,
Вырезанное на языке,
На кольце,
Которое страшно забыть.

1993

СОН КАК ВИД СМЕРТИ

Я сплю, а череп мой во мне
Вдруг распадается на части —
Уходят зубы в облака
Чредою умерших монашек.
А челюсть, петли распатав,
Летит туда, где Орион,
И поражает филистимлян
Там ею яростный Самсон.

Я сплю, а смерть моя во мне
Настраиивает свой оркестр —
Прыжки её легки,
Вся распрямляется, как древо
Или как поле для посева,
И, костию моей берцовой
Взмахнув, играет в городки
И разбивает позвонки.

Но к утру с окраин мирозданья
Кости, нервы, жилы, сочлененья
Все слетаются опять ко мне. Сознание,
Просыпаясь, удивится, что не тень я,
Собирая свои жалкие владенья,
Что ещё на целый зимний день — я.

Просыпаюсь и молюсь — вернитесь, кости,
Вас ещё не всех переломали,
Кровь, теки в меня с Луны, с Венеры,
Я хочу пролить тебя на землю,
Ведь ещё меня не распинали.

1981

СПАСЕНИЕ ВО СНЕ ОТ СЕРЫХ СУДЕЙ

Мне цыганка сказала: «Иди на Закат,
А потом поверни на Восток».
Прыгал дактилем снег. Я быстро пошла,
Завернув свою жизнь в платок.

А Солнце — уже ниже колен — скользило наискосок
И пало так низко, так низко — в корыто,
Что стоит, где дымится Черной речки исток
Во льду, чернее Коцита.

Да, это — Запад. О, как этот люк
К теням родным спуститься манит.
Сумрачный запах нарциссов (всё это сон),
Цыганка назад за полу меня тянет.

Цыганка, гадалка, подросток
Крошечный лет десяти,
Грозно она показала ногтём,
Что надо к Востоку идти.

Но я оглянулась всё же назад —
Там Филонов, там кладбище, там детсад,
Блокада там спит, и регата
Мчится по глади Орка.
Там пасхальной наседкой церковь стоит,
Согревая крылом мёртвых.

Я добегу до серых в грязь пространств,
Я добегу до розовых равнин,
Без стука, повалившись на колени,
Клювастым судьям — всё открою им.

Они сидят как в театре, смотрят в лупу.
«Ведь наше Солнце — это лупа, да?
Я — царь и птица, снова царь и бургер,
Я запрещаю в нас смотреть сюда».

Так я ругалась с мерзким трибуналом,
Они же клювы остро раскрывали
И хохотали, шелестя, и кожей мягкой трясли, кидались калом
И перепончатыми лапами стучали.

Они без глаз, но жизнь мою читали,
И так смешна она для них была,
Зелёной слизью всю её марали.
«Я вам не «Крокодил» и не Рабле.

Я вам...» Но тут они совсем зашлися в смехе.
Тогда цыганочка шепнула мне,
Что если не уйду сейчас — навеки
Останусь с ними в серой стороне.

«Отдай им жизни часть, — она сказала, —
Отдай им жизнь, как скорпионы — хвост,
Отдай, что нагрешила и соврала.
Они съедят. Скорее на зюйд-ост!»

И с хрустом отломила. И не больно.
И мы пошли по улице по Школьной,
Мимо ларьков, и яблок, и дверей,
Где Солнце, зелёное как юный кислый клевер,
Плясало, восходя, в сердцах у всех зверей.
И я свернула и уткнулась в Север.

Щеколда звякнула. Снег закипел как жжёнка.
Кольцо расплавилось в весенний лёд.
Под настом самолёт гудит так тонко,
А змеи в небе водят хоровод.

Цыганка мне: «Прошла твоя усталость —
Та, что творцу дарует Бог как бром
Пред смертью? Опять у Парки жизнь твоя запрялась».
И сгнула, играя серебром.

Тут я проснулась. Жизнь во мне плясала,
Что избежала путём чудесным смерти грязных зал.
«Не важно, — думала, — я дни наворовала
Или мне Бог их даровал».

15 декабря 1982

IV

ВИД НЬЮ-ЙОРКА С НОЧНЫХ НЕБЕС

Ю. Куниной

Как золото Микен, растёртое во прах,
Нью-Йорк в ночи внизу лежит на островах.
И птица кружится и мыслит, что дракон
Под этим золотом вживую погребён,
Как слитки золота, присыпанные пылью
И стружкой золотой и блёсткой кошенилью.
Как будто б червяки ползут со всех сторон
И давят золото, как виноград, и стон
Несется к облаку. По одному
Они вползают вглубь, плюясь блеском в тьму.

Жаровня — раздувал её подземный жар —
Ускользает, полыхая, и её мне жаль.
Тянет к брюху пятки самолёт босой,
Город вертится и тонет неподвижным колесом.

И сей живой горящий мертвый вид
Встает под наклонённый авион,
Внушая ужас, будто говорит,
Что там внизу зевает к нам Дракон.
Его дыханья убежав, пилот
Направо в океан уводит самолёт.

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ПЕЙЗАЖ

На концах нью-йоркских стритов
Небо вонзается в землю ракетами.
Это тревожно и страшно это.
Мы уже, кажется, все убиты.
Похоронные лошади бьют копыта,
Ядовитого много света.
На концах нью-йоркских стритов
Небоскрёбы из воздуха пиком вниз —
Они колют в землю всё, что налито —
Все опивки небесных тризн.

ЗИМНЯЯ ФЛОРЕНЦИЯ С ХОЛМА

о. Георгию Блатинскому

Дождь Флоренцию лупит
Зимнюю, безутешную,
Но над ней возвышается купол —
Цвета счастья нездешнего.
Битый город дрожит внизу
Расколотым антрацитом.
Богами и Музой,
Как бабушка, нежно-забытый.
Но теплится в мокрой каменоломне
Фиалковое сиянье,
Под терракотой ребристой фиала —
Перевернутой чашею упования.

СНЕГ В ВЕНЕЦИИ

Венецианская снежинка
Невзрачна, широка, легка.
Платочки носовые марionеток
Зимы полощет тонкая рука.
Вода текучая глотает
Замёрзшую — как рыба рыбу,
Тленна.
Зима в Венеции мгновенна —
Не смерть ещё — замёрзшая вода,
И солнце Адриатики восходит,
Поёживаясь, в корке изо льда.
Но там, где солнце засыпает —
К утру растает.
А в сумерки — в окне, в глухой стене,
Вздымаясь над станками мерно,
Носки крутые балерин
Щекочут воздух влажный, нервный.
С венецианского вокзала
Все поезда уходят в воду.
И море плавно расступилось
Как бы у ног босых народа.
И, кутаясь в платок снеговой,
Из-под воды глядит жива,
Льдяных колец сломав оковы,
Дожа сонная вдова.

**ПЬЕТА НИККОЛО ДЕЛЬ' АРКА
В БОЛОНСКОЙ ЦЕРКВИ
САНТА-МАРИИ ДЕЛЛА ВИТА**

В Болонье зимней — там, где вьюга
Случайна вовсе как припадок
И ветер страстный как трубач
Провоет в бесконечность арок,

На площади гроба ученых
Стоят — из мрамора скворечни, —
Где души их живут скворцами
Своею жизнью темной вечной,

Там в уголке однажды в церкви
Я видела Пьету,
Которой равных
По силе изумленья перед смертью
Нет в целом мире.

Там лысая Мария,
Сжимая руки,
Истошно воеет,
Раздирая рот.
Пред нею Сын лежит прекрасный тихий.
Как будто смерть её состарила в мгновенье,
Как зверь она ревет.
А две Марии как фурии протягивают руки,
Желая выдрать зенки грубой смерти,
А та свернулась на груди Христа
И улыбается невидимой улыбкой.
Он, Бог наш, спит и знает, что проснётся,
Утешится Мария, улыбнётся.

От плит базальтовых
Такою веет скорбью,
Как будто бы земле не рассказали,

Что Воскресение будет,
Все станет новым и иным.
О злые люди, падите же на снег
И расскажите
Камням и сердцу своему,
Что твёрже камня,
Что Сын воскрес.
И Матери вы это расскажите,
Скажите статуе,
Мариям расскажите,
На кладбища пойдите,
Костям и праху это доложите
И, закусив губу,
В снегах
На время краткое
Усните.

ГОГОЛЬ НА ИСПАНСКОЙ ЛЕСТНИЦЕ

А Рим ещё такое захоlustье...
На Форуме ещё пасутся козы
И маленькая обезьянка Чичи
Шарманку крутит, закатив глаза.
Здесь, у подножья лестницы Испанской
Еще совсем недавно умер Китс.
Весенний день — и с улицы Счастливой
Какой-то длинноносый и сутулый
Так весело заскачет по ступенькам,
Как птица королёк иль гоголёк.
Но временами косится на тень
На треугольную
И с торбой за плечами.
А в торбе души умерших лежат
И просятся на волю.
А господин вот этот треугольный,
Каких-то лет почтенных, тёмных,
Каких-то лет совсем необозримых
Бежит, как веер, сбоку по ступенькам.
И не отстанет он до смерти, нет.
Навстречу подымается художник
И машет Buon giorno, Nicolà!
А тот в ответ небрежно улыбнётся
И от кого-то сзади отмахнётся.
А обезьянка маленькая Чичи
Так влажно смотрит, получив пятак.

РИМСКАЯ ТЕТРАДЬ

Воспоминание о фреске Фра Беато Анджелико «Крещение» при виде головы Иоанна Крестителя в Риме

Ольге Мартиновой

Роза серая упала и замкнула Иордан,
И с водой в руке зажатой прыгнул в небо Иоанн.
Таял над рекой рассветный легкий мокренький туман.
Иоанн сжимает руку, будто уголь там, огонь,
И над Богом размыкает свою крепкую ладонь.
Будто цвет он поливает и невидимый цветок,
Кровь реки летит и льётся чрез него, как водосток.
Расцветай же, расцветай же, мой Творец и Господин,
Ты сгорал в жару пустынном, я пришел и остудил.
Умывайся, освежайся, мой невидимый цветок,
Человек придёт и срежет, потому что он жесток.
Ты просил воды у мира и вернул ее вином,
Кровью — надо человеку, потому что он жесток.
Но пролился же на Бога Иордановым дождём
Иоанн — и растворился, испарился как слова,
И лежит в соборе римском смоляная голова,
Почерневши от смятенья, от длиннот календаря,
Он лежит как lapis niger,
Твердо зная, что наступит тихо серая заря.
Я прочла в пустых глазницах, что мы мучимся не зря.
Солнце мокрое в тот вечер выжималось, не горя,
Будто губка и медуза. На мосту чрез Тибр в мути
Безнадежность и надежда дрались, слов не говоря,
Как разгневанные путти, два козла и два царя.

Площадь Мальтийских рыцарей в Риме

Хрустя, расцветает звезда Авентина
Над площадью Мальтийских рыцарей,
Что Пиранези когтем львиным

На тёплом небе твердо выцарапал.
(А в это время бедный Павел
Гоняет обруч хворостиной,
Не зная, что уже мальтийцы
К ограде стелы примостили.)
Факелы, урны, Медузы
Белеющие в полнолунье...
А под обрывом в кипарисах
Выпь плачет громко, безутешно.
Как будто бы Магистр Великий
В подбитом горностаем платье
Всё ропщет в этих столах долгих
О несмываемом проклятье.

Небо в Риме

Где-то в небе мучат рыбу,
И дрожит, хвостом бия.
От неё горит над Римом
Золотая чешуя.
Только в Риме плещут в небо
Раздвижное — из ведра.
Только в Риме смерть не дремлет,
Но не трогает зазря,
А лежит, как лаццарони,
У фонтана, на виду
И глядит, как злую рыбу
В синем мучают пруду.

Circo Massimo

Вот только повернёт автобус
У Circo Massimo, тогда
Чувствую — в седой арене
Стынет тьмы зацветшая вода.
Днём он дремлет, сохнет позвоночник
С сломанной навек метой,
Ночи поперёк он ржавой ванной
Стынет с заболоченной водой.

Император, если бы ты видел,
Как несутся в мраке колесницы,
Никогда меты не достигая,
Падают, ломая в смерть ключицы.
Цезарь, Цезарь, подавившись ядом,
Не стесняйся, выплюнь. Не глотай.
Чашу цирка поднимать не надо —
Там отрава — будущее там.

Тень у фонтана на Пьяцца дель Пополо

«У меня грехов больше,
Чем блох у собаки,
Чем фонтанов в Риме.
Но они к душе не присчитались.
Только проще и однообразней,
Чем фонтаны, водомёты Рима», —
Говорила тень любимого поэта.
Правда, так измышлены фонтаны
В этом граде,
Что даёшься диву:
То из митры вверх взлетает струйка,
То из морды чудища какого,
То гремит и льётся по утёсам.
Я не говорю уж о тритонах,
О дельфинах, пчёлах Барберини.

И когда я, палец поцарапав,
Капли крови развела в фонтане
Возле морды мраморного львёнка,
Чтоб она умчалась в водостоки,
В кровные и тёмные болота,
На которых мир стоит и дышит
(И уже так долго, очень долго),
Я дивилась — кровь моя живая,
Шелковая, алая, родная,
Так мгновенно унеслась к потокам
И так скоро к смерти приложилась.

Рим как будто варвар-гладиатор
Цепь накинул на меня стальную
И уже готов был и прикончить,
Я уже готова умереть.
Только публика того не захотела
(Та, которая всегда нас видит).
Многие из плебса и сената
Вскинули тотчас большие пальцы —
Гибели моей не захотели.
Ну и я пошла себе, качаясь,
Превращаясь в самолётную снежинку,
На родной свой город опускаясь,
В северное страшное сиянье.

Случай у памятника Джордано Бруно¹

Чавкающий белый мяч футбольный
Мне вlepил мальчишка в лоб случайно.
Не упав, я молча отвернулась
И увидела костёр Джордано Бруно.
Фурии и змеи мне шептали
В вмиг почти ослепшие глаза:
«Не гуляй там, где святых сжигали.
Многим можно, а иным нельзя».

Надежда

В золотой маске спит Франческа.
Чёрная на ней одежда,
Как будто утром карнавал,
И теплится во мне надежда,
Что он уже начнётся скоро,
Нет к празднику у нас убора.

---

¹ Этот случай может показаться, да и есть на самом деле, смешным и нелепым. Но стоит вспомнить Монтеня, который рассказывает о своем брате Сен Мартене, неожиданно скончавшемся через шесть часов после того, как мяч случайно ушиб ему голову над правым ухом.

Какое ждёт нас удивленье,
Ведь мы не верим в Воскресение.

Златая маска испарится,
И нежное лицо простое
Под ней проснётся,
Плотью солнца
Оденется и загорится.
Франческа, та не удивится...
Но жди — ещё глухая ночь,
И спи пока в своём соборе,
И мы уснём. Но вскоре, вскоре...

Забастовка электриков в Риме

В ту ночь на главных площадях
Вдруг электричество погасло.
Луна старалась — только, ах —
Не наливайся так, опасно!

Фонтаны в темноте шуршали,
Но что-то в них надорвалось.
Как будто вместо них крутилась,
Скрипя и плача, мира ось.

И тьма, тревожима Селеной,
Чуть трепетала, будто море.
И люди, сливки мглы, качались
Придонной водорослью в бурю.

Тьма нежная и неживая —
Живых и мёртвых клей и связь.
Вдруг вечный мрак и вечный город
Облобызались, расходясь.

У Пантеона

Площадь, там, где Пантеона
Лиловеет круглый бок,
Как гиганта мощный череп,

Как мигреневый висок,
Где мулаты разносили
Розы мокрые и сок, —
Там на дельфинят лукавых
Я смотрела и ушла
В сумрак странный Пантеона
Прямо в глубь его чела.

Неба тихое кипенье
В смутном солнце января —
Надо мною голубела
Пантеонова дыра,
Будто голый глаз циклопа:
Днём он синий, вечерами
Он туманится, ночами
Звёзд толчёт седой песок.
Уходила, и у входа
Нищий кутался в платок,
А слоненка Барберини
Полдень оседлал, жесток,
Будто гнал его трофеем
На потеху римских зим,
И в мгновенном просветленьи
Назвала его благим —
Это равнодушие Рима
Ко всему, что не есть Рим.

Сад виллы Медичи

В центре Рима, в центре мира
В тёмном я жила саду.
Ни налево ни направо
Ночью нету на версту
Никого, кроме деревьев
Померанцевых замёрзших.
Кроме стаи кипарисов,
Саркофагов, тихих статуй.
И стеной Аврелиана
Этот сад был ограждён.

Здесь её ломали готы,
Здесь они врывались в Рим,
То есть это место крови.
И на нём мой дом стоял.

Ночью войдёшь —
Никого... а кто-то смотрит.
Тихо вздрогнет половица,
Приотворится окно,
А в глухую полночь дробью
Барабанят стены, пол.
Чуть задремлешь — тут кувалдой
В потолок стучать начнут.

Я привыкла, я привыкла,
Не совсем сошла с ума.
Только дара сна благого
Этот дух меня лишил —
Хоть бесплотен, но нелегко —
Фердинанд, Атилла, Гоголь?
Или мальчик, рядом с домом
Спящий в мраморном надгробье,
Отстраненный и немёртвый?
Страшен этот взгляд тяжёлый,
Взгляд, текущий не из глаз.

Кто бы ни был дух упорный —
Мелочь сорная, иль князь
В ночь последнюю простился, —
В ручку двери он вселился, —
Ящерицей тёмной стала,
Быстро нагло побежала
Вверх и вниз.

Я узнала этот ужас —
Тихий, будто первый в жизни
Легкий белоснежный снег.
Так прощай, сад Медичийский,
И стена Аврелиана,

Гоголь, piazza Barberini,
И похожая на колхозницу статуя богини Рима.
Всею душой, подбитой
Белым шелком ужаса, отныне
Всё равно я о вас тоскую.
И о зимних горьких померанцах.

V

ИЗ МАРЛО

Безрукие, безносые, слепые,
Глухие и старухи, как деревья
На пустоши чернеющие в мраке,
Все жить хотят. Вот только что младенцы...
Про этих я не помню и не знаю.
Все жить волят. Что за приманка в жизни?
Быть может, мелких радостей набег?
Пробежка солнца по лицу слепому?
Вкус сливы или друга поцелуй?
Иль низменное злое содроганье?
Что держит нас, что нам уйти мешает?
Незнание, неверие в Другое?
Иль просто это — протяжённость жизни?
И сладостно-мучительное в нас
Скольжение её прозрачной лески,
Что, чувствуем мы, кончится крючком.
Но пусть скользит и мучит — пусть мгновенье.
Но я — другой, я — птица, я — бродильня,
Пока во мне кристаллы песнопенья
Не растворятся до конца во мраке —
Я петь желаю.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛИСЫ

По мёртвой, серебром мерцающей долине,
По снегу твёрдому,
По крошкам мёрзлым
Лиса бежит
На лапах трёх.
Четвёртая, скукожившись, лежит
Окровавленная в капкане.
Лиса бежит к сияющей вершине,
То падая, то вновь приподнимаясь,
То будто одноногий злой подросток,
То снова зверь больной
На шатких лапах.
Там на вершине ждет ее свобода,
Небесный Петербург,
Родные лица.
Лиса бежит, марая чистый снег,
Чуть подвывая
В ледяное небо.

СЛОМАННАЯ КУКЛА

Нитки истлели, выцвели,
Рухнули марионетки.
Что означали на титуле
Легкие эти виньетки?
Там на семейной Библии
Были они, были ли?
Как же поломанной кукле
Взять себя за воротник,
За нитки, вернуть их в руки
Тому, кто к сердцу приник?
Мягкое ватное тельце
Молний не слышит любви,
Встанет, куда же ей деться,
Дёрнется — Ты позови.

НА ЗАРЕ

Когда над тазом умывальным
Встает, кровавится восход,
Когда в поход уходит дальний
Воздушный, пышный, ватный флот,
Когда ты плачем погребальным
Встречаешь каждый новый день
И разговариваешь с тенью,
И сам — чуть-чуть плотнее тень,
Тогда мне кажется — над бором
Встаёт последняя заря,
Хвост разомкнулся уробога,
Чтоб из избы не вынести сора,
Мир поджигают три царя.

ЗАВОДНОЙ ГОРОД

Иду по городу домой,
Иду к себе домой.
Кружится город заводной
Передо мной волчком.
То выбросит мне окон шесть,
Как в кости, при игре,
То вдруг в долину бросит то,
Что было на горе.
То голубь мне крылом махнёт,
То угол там, где был пролом,
То небо скиснет в луже.
Когда же кончится завод?
Осина ветру служит.
И рядом кто-то говорит:
«Да не было бы хуже».
И правда — если град замрёт,
Нева течь не захочет...
Из лужи масляно глядят
В глаза бензиновые очи.

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

О если б ветра вал!
О если б буря выла!
Я, может быть, себя
И жизнь забыла.
О если б взвыл Залив
Под ветром в нетерпенье!
О если б ливень лил,
О если б наводнение!
О если бы душа,
Свои пройдя границы,
Как смерть бы пронеслась
Над сердцем злой столицы.

ОБРЯД ПЕРЕКРЕСТКА

Б. Улановской

На перекрёстке двух дорог
В полях я свечку зажигала
И на коленях, на снегу,
Стихи безумные читала,

И глядя в гулкое звездилще,
Щепотку слов роняла вверх —
Не для себя, не для себя —
Для Бога, для зимы, для всех.

Слова взлетали будто рыбки
Златые, плавали по небу
И падали, как будто галька
Иль катышки цветные хлеба.

ОБРУЧЕНИЕ С ФОНТАНКОЙ

С тобой, поганая река,
Я обручилась будто дож —
Тот перстень в глуби вод бросал,
А я — любимой кошки труп,
Которая со мною рядом спала, дремала
Столько лет,
Мурлыкала, гортанно пела...
В её глазах любовь
Две маленькие свечки засветила,
Когда она за мной (всегда) следила.
Река лежала как рука
В анатомическом театре,
И синий мускул был разъят
Лучом ланцета неземного.
Вот анатомии уроки
Души, вот Рембрандт мой...
Ты, мусорная, злая и нагая,
Ты водоросли слабо шевелишь,
Вот ты теперь всегда со мною рядом.
Подводных, тусклых глаз не сводишь,
Своим песком глядишь.
И рыбам, и пиявкам всем, и гадам
Со мною разговаривать велишь.

**В эту Иванову ночь
Так томительно жить!
Нежитью лучше в луче
Над полями кружить.
Лучше бесплотною стать
И в одуванчик войти,
И дуновеньем одним
По ветру себя разнести.**

Совы ночами из узких дупел
Следят за травинкой, веткой, кустом.
Господи, в церкви войду под купол
И наружу пробьюсь крестом.
Дальше, дальше куда уж деться,
Дальше заметь меня Ты,
Видишь, как сокрушённое сердце
Рвёт себя на бинты —
Для тех, чья душа к могиле приникла,
Где их любимые спят в ночи.
Дьявол смеётся на водах страданья,
Но отразишься в них Ты.

ДАЧНЫЙ ДОЖДЬ

Пойдёт ли дождь. Чем он хорош?
Верёвки въёт и шьёт, и вяжет,
И всё, что скажут в облаках,
Траве расскажет.
Хлестнули плети вдруг дорогу
И закружились,
Как мириады осьминогов
Засеребрились.
Веранда влажная шипит
В дожде, как сковородка,
Но реже, тяжче и слабей
Воды чечётка.

ПЕРЕХОД

Можно весь белый свет
Исключить из сознания —
Погасить, будто свет,
Смутный блеск мироздания.
И останешься вмиг
В темных комнатах новых —
Табака нет и книг,
И тебя видят совы.
Но — всплывающий лик,
Светлых всполохов тик,
Новый сон Иеговы.

Сердце бурно тараторит:
«У меня ведь нервный тик.
Так-так-так. Ведь я не спорю...»
И вскипает как родник.
Перестуками с пробелом
С кем-то сердце так невнятно
И морзянкой говорило.
Только с кем? Уж позабыло...
Бьётся, будто ключ, напрасно,
Как на палубе бьют склянки.
Как телеграфист забытый
На далёком полустанке.

УТРЕННИЙ НАТЮРМОРТ

Утром выйдешь на кухню вяло,
Пол-яблока, хлеба нет,
На столе только черный Хлебников,
Это немало.
Ешьте, дети, его,
Чёрный хлеб превратится в лиловую водку,
Голова в темноте засияет ало,
Вы станете говорить на языках.
Стал чёрным кирпичом, горьким хлебом,
А умер в сене на скрипящей телеге
(О как ясно она проскрипела — пора!)
Под ускользящим небом.

Входит Осень. Солнце. Холод.
Главное — с тропы не сбиться.
Лист упал и посоветовал
Покориться и смириться.

И снова всё начнёт сбываться,
Хлынет свет в средину лба,
Сигареты умножатся
В твоих карманах, как хлеба.

ТЕЛЕГРАФ УЛИТОК*

Тыкнут чёрное на белом
И возьмут как ноту «ля»,
И без ветра покачнутся
Маковой волной поля,
И, перелетев чрез море,
Отзовется нотой «си».

Вот он, телеграф улиток:
Здесь кольнут — там завопят.
Смутный слизень, недобиток...
Двое нераздельно слиты —
Ангел и слизняк дрожат.

---

* Телеграф улиток — результат известного научного опыта, поставленного в 19-м веке. Родственную пару улиток разлучали. Одну улитку оставляли в Европе, другую перемещали за Атлантический океан. В опыте, когда одну из них кололи иголкой, то и другая — за океаном — в это мгновение содрогалась. (Примечание автора.)

ВКЛЮЧАЯ И ВЫКЛЮЧАЯ СВЕТ

Выключая свет,
Успеваю заметить
(В крупинку мига) —
Как тьма
Взмахивает рукавами,
Люблю смотреть,
Как она выживает свет,
Выталкивает, выгрызает,
Быстро смывая его
Густою водою своей.
А свет никогда не делает так,
Он — простак,
Вспыхивает — будто и нет
Злой этой младшей сестры.

ВЬЮГА И ЛУН

Белым терновым кустом
Лёгкая вьюга металась,
Вкруг Луна венец свивая.
Внутри кипящей зимы
Купина догорала живая.

Ветки ломались, шипы
Льдинки кололись в глазах,
Череп летел в небесах,
Казняще смотрел, косою.
Что же его так мучит?
Вьюга кидала лассо.

Сей вьюги пылающий куст
Возник дуновением уст
Божественных — чтобы замкнуть наконец
Вкруг Лица колючий венец.

ПТИЦЫ НА КРЕСТЕ ИЗМАЙЛОВСКОГО СОБОРА

Я никогда не была авгуром.
Не чертила на небе templum.
Три птицы кружились над синью собора.
И я тогда повелела невольно
Образовать им собой треугольник.
«Ты увенчаешь креста вершину,
На поперечину сядьте вы две
По краям, если Господь меня слышит...»
Но они все метались по синеве.
Медлили будто, но через мгновенье
Будто услышали повеленье.
Вмиг на кресте расположились,
Как я просила, — это милость.
Прощенья, близости знаменье.
Потом они крича взлетали,
Они как будто и не знали —
Что послужили. На скрижали
Они треть буквы начертали.
О, высота и даль
Над Божьим домом!
Ты — бестелесная скрижаль,
Синя и невесома.

БЕГ БЕЛКИ

Мимо мелеющих прудов
Юсуповского сада
И мимо чучела зевающего волка
Бегу в своих заботах мелких.
Мелькает маленькая белка
Так в деревянном колесе,
На жернове, как будто мельничном,
Вне времени, в заботе мелочной.
Истёрся мех, глаза потухли.
Но вертится гончарный круг,
И лапки чёрные набухли,
И к колесу они припаяны навек.
И замечает белка вдруг
Что с колесом она уже сам-друг
И что она уж не зверёк,
А света мячик.
Что изумрудно колесо
И что в конце круговращенья
Она, как мандорла, замрёт
И, падши в небо, не умрёт.

ПИСЬМО ВО СНЕ

Письма, непрочтённые во сне,
Значат больше тех, что приносит почта.
На бумаге сновидческой тают слова,
Текут ручьи, распускаются почки.
Кто-то мёртвый давно, с иглою в руке
Царапает что-то себе в уголке.
Мёртвые улыбчивы, живые в жару...
Столько лет читаю это письмо, сколь живу.
Пишет он: «Пойди, камень потеряй
На углу Вознесенского и канала,
Синий...». — «Я его потеряла давно».
— «Потеряй ещё, этого мало».
Сонные чернила текут по щекам.
Стихи не сгинут на самом деле?
Дышат жарко они и во сне приникают к нам.
Мы же — сговор инея и метели.

ВАРИАЦИЯ

В колодец смотришь на меня.
Вот видишь — я на дне колодца,
И сердце птичье моё бьётся,
Ключом вскипающим звеня.
Из-под воды я вижу солнце,
Как зерен горсть живородящих,
Да и луну я тоже вижу,
Как рыбий глаз в воде кипящей,
Но глаз Твоих мне не увидеть,
Но — тяжесть Твоего вниманья.
Я все исполнила послушно...
Я помню — в чреве было душно,
Когда в мою смотрел ты душу
И пристально и равнодушно,
Не ожидая узнаванья.

РАЗГОВОР С БОКОВЫМ ВРЕМЕНЕМ

Вот снова
Время побежало
Куда-то вкось,
А надо — вдаль.
Ведь есть же Времени стрела
Необратима, хоть тупа.
Но иногда, скрестивши ноги,
Придурковато вдоль дороги
Она вдруг делает faux pas.

Она летит, но не пронзает —
И ты живёшь, а Время рядом
По сторонам фундук сажает,
Кривляется, гусят рождает
И двойников дурных сажает
За стол с каким-то тихим гадом.

Но ведь должно идти ты, Время,
Вперёд и прямо нести бремя
Свое. Направо и налево
Отпрыгивать — твоё ли дело?
Подпрыгивать я не велела.
И падать тоже ты не смей.
Иди вперёд — как у людей!
Иди вперёд и Бог с тобой.
Стучи ногой, иди со мной.
Иначе ты уже не Время,
А отголосок, злое семя,
Ошмётки вечности дурной,
Кулисы брошенного ада.
И надо жизнь дойти до края,
А не свернуть с неё, играя.
Что ж ты, Тетро,
Ходишь боком,
Хитро искоса глядишь,

Как воровка, как сорока,
И меня с собою тащишь.
Множишь дурные мои отраженья,
Глухие тёмные ответвленья
В зону размытого,
В треск бокового зренья?

Время отвечает:

Ты, может быть, ещё не знаешь,
Что если вправо забираешь
И если влево повернёшь
(Но это очень трудный путь,
Мне больно по нему идти),
То вдруг уже лечу назад,
И ты за мною наугад,
И ты за мною — птицей влёт,
На много тысяч лет назад,
На сколько хочешь лет назад...
Но больно вспять. Пойти вперёд?

Истлел ремешок от часов на руке,
Истёрся так быстро.
А ты — с боевою раскраской — душа
Мелькнула костровою искрой.
Взлетела в воздух ледяной —
Прохладно, светло и не душно —
Вот надо мною на нитке висит,
Как шарик воздушный.
Плеромой прозрачною он плывёт,
Качнёт ледяной головою,
Набитый азром, в инее весь
На нитке — ещё со мною.

«Бабье лето — мёртвых весна», —
Говорят в Тоскане, говорят со сна,
Выглянув в окно, где солнце веет,
И, как чахоточный, молодеет
Городской клён и уже краснеет
При каждом взгляде.
В обречённо сползающем вниз
Наряде.

ЦВЕТЕНЬЕ ЗИМЫ

Петербургский снег горячий
Обжигает мне лицо
И в глаза мои влетает
Ядовитую пылью.

Что цветёт? Скажи мне тихо.
Что так семя сеет грубо?
Тонки жилы повилики
На водопроводных трубах.

Слышишь — лёд на реках лопнул,
Видишь — древо расцвело.
Это древо ледяное,
Древо хрупкое зимы.

Её цветы замерзли в окнах,
Её сирень с небес летит,
И с розой белою январь
В зубах — над городом висит.

Эта роза — она стеклянная,
Эта белая и промёрзлая,
Раскрывается, рассыпается,
И зима разверзается грозная.

Не хочется больному пони
Бежать по кругу
И воздух белый жрать с ладони
Врага ли, друга.
Не хочется мне пепел сыпать
В ладонь, а сыплю.
Под радио глухие сипы
Под утро выплю.
А хочется мне, бесприютной,
Рвать путы
И прыгать с вышки парашютной
Без парашюта.

Мы пришли и схлынем быстро
Как солдаты на постой —
Жрать табак с горящей искрой
Говорить — «я выиграл сто».
Жадно жизнью отравляться,
Говорить — «я проиграл».
И вполуха ждать горниста
В небо тянущий сигнал.

**СТИХИ О ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТЬЕ
И БЕСКОНЕЧНОМ СЧАСТЬЕ
БЫТЬ МЕЧЕНОЙ БОЖЬЕЙ РУКОЙ**

...to breathe in all-fire glances.
«The wreck of the Deutschland»
G. M. Hopkins

I

Ночью случился пожар.
В комнате весело огонь трещал.
Очнулась — в три роста огонь.
Будто мышь на лопате
Бросили в печь.
Беги, спасайся.
Юркнула душа за дверь,
Да и тело к себе подтащила.

II

Черною сажей помазали лоб,
Благословили на время военное,
Весело плакал Бог
В чреве дождя весеннего.
Иов не сам говорил,
Горе его говорило.
Горе Богу под стать,
С горем у них союз.
Может с Ним говорить.
Всё любимое отнял,
Да и нужное всё забрал.
Горько смеялся Бог
И шутя крест на лбу
Пальцем в саже
Чертил, стирал. Рисовал.
Входит Бог
В горелую комнату.

Запах гари ему
Ладана слаще и мирра.

III. Чем была и чем стала

1

Была римской *поэтессой*,
Китайской *Лисой*,
Эстонским каким-то *поэтом*,
Безумной *монахиней*,
Пустотю, *выдохом ночи*,
Чьей-то *возлюбленной*, чьим-то *другом*.
А теперь я сделалась *головнёй*,
Говорящей
И танцующей на хвосте,
Как змея.

2

Безучастной, бестрепетной,
Милости прося, пугая лепетом,
Нишею, вырубленной в воздухе,
Что-то в ней спрячут?
Разбойники — что-то спрячут,
Сокровище принесут,
В пустыне ночной припрячут.
Века, уж века не плачу.
Сироткой седой, дряхлым *львёнком* —
Крошкой, *Йовёнком-крошкой*
В Иове большом как в матрёшке,
О сколько же нас в нём!
От века мы говорили в нём,
Терзали болью своей как огнём,
Мы бока ему прогрызём.
Предвечный Иов горит во тьме костром,
И чёрными языками пламени мы —
Полыхаем в нём.

IV

Итак — за мною шла беда,
На пятки наступала,

И птица, пролетая вкось,
Меня почти не замечала,
А видела меня как тень,
Поводыря медведя,
Который как Эдип бредёт,
В плечо вцепясь мне, бредит.
И видит птица как слепец
В косматую густеет тучу —
Вдруг закачается, падёт
В падучей неминучей.

V

Всего я лишилась:
Любимых книг, фотографий
Поры счастливой,
Даже родинку со лба
Обронила,
Стала сама чёрной меткой,
Отметиной
В белом мраке заметной
На округлом лбу
Тоски
По утешном слове,
Чудесней выщербанного птицей,
Потешном, утешном для Бога,
Щекотном.

VI. Морзянка

Ты говоришь: за всё благодари,
всё к лучшему, —
но лицемер последний
за гибель существа любимого
и муки — благодарить не сможет.

Вослед Иову, подобно Иакову,
Да и всякому,
Кто с ангелом
В ночи боролся,
Известно,

Что измученное сердце,
Притянутое к бездне,
Трепещет и передаёт морзянкой
Всю нашу боль не нашими словами,
И только херувимы их поймут.
И стон отчаянья, невыносимой боли
Преображается в неизреченной глубине
В молчание любви земной юдоли
К молчанию живому в нас и вне.

VII

Меж дождинок — что князь Цицианов —
Проберусь — не заденут меня,
И смерть, как француз деловитый и пьяный,
Не всем подмигнёт, казня,
Будто знает он что-то хорошее, знает
И радуется не зря.

Пусть Земля, будто яблоко падшее
Тёмное, липкое насквозь,
Валится в бездну — и натывается
На хрустально-смертельную ось.

VIII

Огонь идёт — и свитки все свиваются,
Свисают стружья и дрожит зола.
Хоть твоя суть и ледяна и зла,
Сжигай мой дом, мне это втайне нравится.

Пускай сгорели книги, фото, карты,
Как жаль, что не сгорела я сама —
О чёрное барокко в сердце марта!
О пламя, бьющее из моего окна!

В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ ПТИЦЫ ВСЁ ТЕ ЖЕ

На Чёрной речке птицы щебетали,
Как будто щёки воздуха щипали
И клювом дёргали,
И лапками терзали,
И, сердце напряжив,
Забыв о друге, о душе, о дали,
До смерти небо тьмы защекотали.
Хвостами резали и опереньем,
И взвизгами, и судорожным пеньем.

Да, птицы певчие хищны,
Их хищность в том,
Чтоб воздух догонять,
Терзать его потом.

Перетирать, крошить,
Язвить, ласкать, журить,
Чтоб наконец
В нём истинные звёзды пробурить.

И в том они подобны Богу,
Он к сердцу моему свечу подносит,
И самого себя он только спросит:
Что если в нём дыру прожжёт —
Что там увидит? зеркало, дорогу?
И почему Ему мы застим взор?

И исступленья сладостным огнём
И вдохновенья режущим лучом
Он нас заставит душу разорвать
И чрез неё в свою глазницу глянет.

О птицы певчие, терзайте воздух нежный.
Я — ваше небо, я — позор безбрежный.

СКЕЛЕТ НА ВЕСЕННЕЙ ОПУШКЕ

Я взглянула краем глаза —
Глазом всем смотреть нельзя —
Что это было — заяц? Коза?
Белый винт рёбер, остатки морды,
Розовые глаза.
Он лежал на траве,
Но казалось —
Костяная пружина,
Устремленная в небо,
Штопор,
Взламывающий ум,
Открывающий длинную бутылку,
Где спит великий Ремесленник,
Смастеривший машинерию тела,
Рёбра-шпангоуты, бочки...
Её хитрость сложна,
Её белизна
Ужасает —
Когда весна
Раздувает на ветках почки.

Весна свои покрасит когти
Тоскливо-смутным перламутром,
Чтобы царапнуть ими небо,
На волю выпуская утро.
И сгустком крови тяжким Солнце
Качнётся вверх. В обнимку с тенью
Сосна закружится тихонько
До нового тьмы сотворенья.

Ключ серебристый, ключ точёный,
Упавший в яму выгребную —
Вот так и разум золочёный...
Но я его не критикую.
Действительно, он чистый, ясный,
Вращается как шар прекрасный
Во тьме и скован крепкой костью,
Двойник несчастный Демиурга.
Зачем сюда пришёл он в гости,
Спадая по цепи атласной.

ЗОДИАК ЖИВЫХ И МЁРТВЫХ

Звёзды какие мёртвым светят,
Солнца какие горят для них —
Узнать не пытайся, потерпи, не пробуй
Очерк созвездий иных.

Здесьние — я хорошо их знаю,
Этот горящий терновник ночной, —
Кулаки их круглы, их суставы сияют,
По ночам будто в цирке следят за Землёй
Бестелесные Девы, Телец мой родной,
Привиденья Стрельцов глазами, стрелами стреляют.

Но иные круги, но иные вращения —
Там иной, неземной, из сотен фигур,
Раздавая жребии и превращения,
Зодиакальный вращается шнур.

И в одежде из звёзд там сидит Он, один,
И зелёными солнцами в мячик играет.
Пожалей же нас, трюмных, о Капитан, Господин,
Кто на низком своём потолке едва разбирает
Смысл знаков далёких плоских чадающих.
Чёрный парус Вселенной весь в дырах горящих,
Наш корабль заблудился, мористее всё забирает,
В бездну чёрную держит он путь
И бушпритом своим пропорол зодиак,
Отменяя все судьбы, тот сыплется в грудь
Бессмысленным жёлтым дождём.

ПЕСНЬ ПОЛУКРОВКИ

Варварской крови грубые токи
В теле моём — как не быть мне жестокой
К замкнутой жизни своей?
Силу казачью от воли йудейской
Не отгородишь в себе занавеской,
Вот и сплелись в кадуцей.
Вот и замкнулись как провода,
Вот и сомкнулись как невода —
Парою змей.
Только вот жезл — наш бескровный водитель,
Кровь его — свет, он — третий родитель,
Он нас ведет в Эмпирей.

ПРОЩАНИЕ С ЦИФРАМИ

Смысла я не ищу,
не хочу сострадания.
Сердце умножить на крест,
и нарождается знание...

Четвёркою нос обозначился,
Брови дрожали
Разъединенною тройкой...
О милые цифры,
Как будет мне вас не хватать — там где ни чисел ни меры.
О буквах я не жалею, ни о плодах, ни о травах.
Но цифры родные!
Сама я живу в номерах
У чужих,
Уже долго,
Мгновенно и долго.
То сплю, то на запад смотрю или плачу.
Какое-то в сердце число —
Как альраун в корнях мандрагоры,
В красном живёт шалаше.
И какую-то цифру с дробями, несомыми в вечность, я значу.
Вот дроби, они и спасут нас,
Превращаясь
В холодную звёздную дробь,
В дробинки охотничьи,
Которыми небо расстреляно
Летней последнею ночью...
В число безымянное Бога
Влиться щепоткою меряной пыли,
Где восьмёрку, бокастую и молодую,
Набок уже повалили.

Я буду искать —
Кого люблю —
В закоулках Вселенной,
В чёрных дырах её,
В космоса гриве нетленной,
В бороде у Бога,
В зачарованном этом лесу волос.
За вьющейся белой колонной
Волосинки
Найду
Кого я люблю,
Когда я умру —
В раю ли, в аду.
Если и память сгубят
И потеряю себя.
Даже звёздная пыль
Рыщет в потёмках, любя.
А если найти невозможно —
Повисну,
Руки раскинув крестом,
Где-нибудь под Южным Крестом,
И огонь изрыгну
Как дракон.
И всё, всё, всё
Уничтожу.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Солнце спускается в ад	7
----------------------------------	---

II

«Когда с наклонной высоты...»	14
Ещё один спиритический сеанс	15
Ангел-хранитель	16
«Тебе, Творец, Тебе, Тебе...»	17
Луна и даосский мудрец	18
Две реплики в сторону Смерти	19
Ёлка с игрушкой, игрушка с ёлкой	20
Летучая мышь	21
Психогеография	22
Течение года	24
Под тучами	25
Чайка — казачья лодка и птица	26
Вечерняя песнь трамвая на трёх рельсах	27
В шахте	29
В парадной	30
Окна во сне	31
Метаморфозы отчаянья	32
Воскресение слов	33
Буквальный перевод	34

III. Пять забытых стихотворений

Упрямое дитя	36
Могила отца	38
«Весть от самой далёкой...»	39
Сон как вид смерти	40
Спасение во сне от серых судей	41

IV

Вид Нью-Йорка с ночных небес	44
Нью-йоркский пейзаж	45
Зимняя Флоренция с холма	46

Снег в Венеции	47
Пьета Никколо дель Арка	48
Гоголь на Испанской лестнице.	50
Римская тетрадь.	51

V

Из Марло	60
Освобождение Лисы	61
Сломанная кукла	62
На заре	63
Заводной город	64
Штормовое предупреждение	65
Обряд перекрёстка.	66
Обручение с Фонтанкой.	67
«В эту Иванову ночь...»	68
«Совы ночами из узких дупел...»	69
Дачный дождь	70
Переход	71
«Сердце бурно тараторит...»	72
Утренний натюрморт	73
«Входит Осень. Солнце. Холод...»	74
Телеграф улиток	75
Включая и выключая свет	76
Вьюга и Лун	77
Птицы на кресте Измайловского собора	78
Бег белки	79
Письмо во сне	80
Вариация	81
Разговор с боковым временем	82
«Истлел ремешок от часов на руке...»	84
«Бабье лето — мёртвых весна...»	85
Цветенье зимы	86
«Не хочется больному пони...»	87
«Мы пришли и слышим быстро...»	88
Стихи о Горе-Злосчастье...	89
В Новой деревне птицы всё те же	93
Скелет на весенней опушке.	94
«Весна свои покрасит когти...»	95
«Ключ серебристый, ключ точёный...»	96
Зодиак живых и мёртвых.	97
Песнь полукровки	98
Прощание с цифрами	99
«Я буду искать...»	100

В поэтической серии “Автограф” изданы:

- Б. Ахмадулина.** Ларец и ключ
В. Салимон. Невеселое солнце
И. Лиснянская. После всего
Ю. Кублановский. Памяти Петрограда
И. Бродский. В окрестностях Атлантиды
Н. Кононов. Лепет
А. Пурин. Евразия и другие стихотворения
Е. Шварц. Песня птицы на дне морском
С. Гандлевский. Праздник
В. Гандельсман. Там на Неве дом...
В. Дроздов. Стихотворения
Л. Лосев. Новые сведения о Карле и Кларе
А. Цветков. Стихотворения
Д. Новиков. Караоке
И. Жданов. Фоторобот запретного мира
Т. Кибиров. Парафразис
Е. Шварц. Западно-восточный ветер
Б. Ахмадулина. Созерцание стеклянного шарика
В. Салимон. Красная Москва
В. Зельченко. Войско
Б. Кенжеев. Сочинитель звезд
А. Битов. В четверг после дождя
Л. Лосев. Послесловие
И. Лиснянская. Ветер покоя
В. Гандельсман. Долгота дня
Е. Шварц. Соло на раскаленной трубе
Т. Кибиров. Интимная лирика
В. Павлова. Второй язык
В. Кривулин. Купание в иордани
М. Ерёмин. Стихотворения
С. Кекова. Короткие письма
- Б. Ахмадулина.** Возле ёлки
Д. Новиков. Самопал
Т. Кибиров. Нотации
В. Соснора. Куда пошел? И где окно?
С. Гандлевский. Конспект
Б. Рыжий. И всё такое...
П. Барскова. Эвридей и Орфика
И. Лиснянская. Музыка и берег
Л. Лосев. Sisyphus redux
В. Дроздов. Обратная перспектива
Т. Кибиров. Amour, exil...
В. Соснора. Флейта и прозаизмы
В. Гандельсман. Тихое пальто
В. Павлова. Линия отрыва
В. Коваль. Участок с Полифемом
Е. Шварц. Дикопись последнего времени
Б. Ахмадулина. Пуговица в китайской чашке
А. Поляков. Орфографический минимум
Б. Рыжий. На холодном ветру
В. Соснора. Двери закрываются
С. Кекова. На семи холмах
П. Барскова Арии
М. Степанова. Тут – свет
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн.2
С. Стратановский. Рядом с Чечней
А. Кушнер. Кустарник
Е. Тиновская. Красавица и птица
Т. Кибиров. Шалтай-болтай
В. Гандельсман. Новые рифмы
О. Чухонцев. Фифиа
Л. Лосев. Как я сказал

Все книги серии тиражом до 1000 экземпляров.

Для приобретения указанных книг обращайтесь в издательство по адресу:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала “Звезда” Информация по телефону: (812) 273-37-24, факс: (812) 273-52-56

Ш 33

Шварц Е.

Трость скорописца: Книга новых стихотворений. — СПб.: «Пушкинский фонд», 2004. — 104 с.

ISBN 5-89803-130-8

ББК 84. Р7

Шварц Елена Андреевна

Трость скорописца

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2004

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

Издательство «Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Тираж 500 экз. Заказ № 228.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК “Бионт”»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,

тел. (812) 322-68-43

